

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ*

ИМПЕРИЯ БЕЗ КУЛЬТУРЫ? **

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. А. НИКОЛЬСКОГО

Никольский С. А. Империя и культура: философско-литературное осмысление
Октября. — М. : ИФ РАН, 2017.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-186-196.

Тема империи заслуженно считается одной из самых актуальных в современной России. Поэтому новая книга С. А. Никольского, озаглавленная «Империя и культура», оказывается, что называется, в тренде. Привлекает она внимание, однако, не только и не столько заглавием, сколько двумя другими моментами. Во-первых, в рамках этой книги С. А. Никольский подробно излагает свою идею «констант общественного бытия» и разъясняет ее применимость к отечественной истории. Во-вторых, как и в прошлой своей монографии (Никольский, 2015), здесь он обращается к философским идеям и смыслам, отраженным в текстах русской литературы.

Подобный метод работы — поиск философских идей в литературных и поэтических текстах и их дальнейшая интерпретация — отягощен одним серьезным профессиональным риском. Исследователь, обращающийся к художественной литературе и поэзии, неминуемо рискует излишне часто прибегать к суждениям вкуса, к попыткам передавать сугубо субъективные переживания, придавая им статус аргументов в научном тексте. Соответственно, для того, чтобы квалифицированно обсуждать философские идеи в русской и советской литературе, нужно быть специалистом в этой области, причем специалистом высокого класса. Не считая себя таковым, я сосредоточу свое внимание на теоретической (или даже философско-исторической) составляющей концепции С. А. Никольского.

Начать следует с основного для обсуждаемой концепции понятия, а именно — с констант общественного бытия. Во введении к работе автор дает им следующее определение:

*Марей Александр Владимирович, к. юрид. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), amarey@hse.ru.

**© Марей, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

...повторяющиеся на протяжении длительного исторического периода устойчивые, создаваемые государством и обществом, постоянно реализуемые на практике, а также пребывающие внутри традиций объективные и ментальные структуры, которые, с одной стороны, задают ограничения, а с другой, простраивают директории общественного (экономического, социально-политического и культурного) развития (Никольский, 2017: 5).

Чуть дальше, в главе, непосредственно посвященной этим константам, к их определению добавляется еще одно: «...произвольно сложившийся, а отчасти целенаправленно созданный в исторической общественной практике способ устройства и функционирования общественного бытия социума» (там же: 19). В обоих случаях С. А. Никольский говорит о константах именно *российского* (здесь и далее курсив мой. — А. М.) бытия; я же сознательно хочу рассмотреть это понятие *in abstracto*, в отрыве от российских реалий, поскольку мне представляется очевидным, что если уж вообще вводить это понятие, то оно должно действовать применительно не только к России, но и к любой другой историко-политической общности. В противном случае мы упрямся лбом в пресловутый тезис об «особом пути» России, применительно к которой действуют те понятия и правила, которых нет ни в одном другом обществе. Этот путь представляется мне тупиковым и откровенно незаслуживающим внимания.

Таким образом, константы могут быть определены либо как *объективные или ментальные структуры*, моделирующие и простраивающие основные направления развития той или иной общности, либо же как сам *способ ее устройства и функционирования*. Они обладают длительностью существования, то есть представляют собой понятия *исторические*. Наконец, в связке между индивидуумом и общностью, или, если угодно, личностью и государством константы занимают промежуточное положение: они создаются *государством* или *обществом*, но сами уже предопределяют появление тех или иных *личностей* или *институтов* на каждом конкретном этапе исторического бытия. При этом константы, по мнению С. А. Никольского, уникальны для каждой конкретной историко-политической общности. Ведь если константы российского бытия «задают характер собственного развития российского общества, тип и характер его взаимосвязи с природой и другими сообществами» (там же: 20), то, очевидно, аналогичное утверждение можно сделать и о константах, скажем, испанского или английского общественного развития.

Подобное понимание констант (историческая сущность, создаваемая государством / обществом, а также формирующая личности / институты / культуру) сближает их с целым рядом схожих конструкций, появившихся у более ранних авторов. Первое же, что приходит в голову, это дух законов у Монтескье и знаменитый *Volksgeist*, описанный Г. Ф. Пухтой и К. Ф. фон Савиньи. Одно и, пожалуй, кардинальное различие между этими понятиями и константами, предлагаемыми С. А. Никольским, в том, что и дух законов, и дух народа формировались под воздействием, прежде всего, природных факторов и оказывали прямое и непосредственное влияние на возникновение у того или иного народа государства или иной формы политической общности. Константы же оказываются вторичными по отношению к государству, что, в свою очередь, ставит вопрос об их соответствии своему названию (если само государство есть понятие историческое, помещающееся, к тому же, на крайне небольшом временном отрезке, сколь же менее длительными оказываются константы?). Здесь же возникает вопрос к автору: почему он не включил в факторы, формирующие константы, непосредственно природные и климатические условия, в которых проживает та или иная культурно-историческая общность? Ведь именно природными условиями объясняли целый ряд особенностей русской истории такие авторы, как, например, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Признавали формирующую роль природы и О. Шпенглер, и А. Дж. Тойнби. В книге же С. А. Никольского не хватает хотя бы аргументированного отказа от обращения к существующей традиции.

Обращаясь к перечню российских констант общественного развития, С. А. Никольский выделяет три пункта: империю, самодержавие и «власть – собственность» (Никольский, 2017: 21). Каждый из этих трех пунктов требует, как представляется, отдельного обсуждения, начать которое, в свою очередь, можно именно с империи, которой автор посвящает первую, открывающую главу своей книги. Однако прежде, чем говорить непосредственно об империи, нужно сделать еще одно предварительное замечание.

Уже на первой странице своей книги С. А. Никольский замечает, что первая попытка сформулировать константы отечественного общественного развития была предпринята еще в 1832 г. Сергеем Семеновичем Уваровым. Речь идет, понятно, о знаменитой «уваровской триаде», включавшей в себя православие, самодержавие и народность. По мысли С. А. Никольского, Уваров предложил эту триаду, поскольку «она

должна была отражать отличный от европейского просвещения отечественный вектор исторического развития, в котором не было места идеям верховенства права, свободы мысли, прав личности, индивидуализма и рационализма» (Никольский, 2017: 6). В начале второй главы автор вновь обращается к триаде С. С. Уварова (там же: 18), в которой он видит официальную формулировку отечественных констант.

В обоих этих фрагментах привлекают внимание две детали, заставляющие пристальнее вглядываться в текст. Во-первых, можно отметить, что С. А. Никольский не обращается к первоисточнику, то есть непосредственно к меморандуму С. С. Уварова, составленному им на имя императора Николая I. Не привлекает он и новейшую отечественную литературу, посвященную графу Уварову и его триаде¹, опираясь в своей ее интерпретации прежде всего (хотя и не только!) на монографию Д. А. Хомякова, опубликованную впервые в 1904 г. (Хомяков, 2011). Само по себе это не хорошо и не плохо, ведь книга-то посвящена не С. С. Уварову и не культурной политике правления Николая I. Однако представляется, что отсутствие обращения к первоисточнику несколько сбивает авторскую оптику, заставляя видеть в «уваровской триаде» то, чего там никогда не было. Вспомним, что впервые эта формула была написана С. С. Уваровым по-французски, в памятной записке, адресованной императору. Русский перевод появился позднее, и он, несомненно, вторичен. Французский текст, между тем, выглядел принципиально по-иному, в нем совпадало с русским лишь одно слово: русское «самодержавие» соответствовало французскому *Autocratie*. Православие же и народность появились лишь в русском переводе, тогда как во французском оригинале стояли *Réligion nationale* и *Nationalité*. То есть, получается, что формулу единства С. С. Уваров видел в национальной религии, самодержавии и — в чем? — в гражданственности? в национальном чувстве? Здесь видно что угодно, но только не отказ от идей «верховенства права, свободы мысли, прав личности, индивидуализма и рационализма».

Во-вторых, — я вновь возвращаюсь к разговору о философско-историческом понятии «констант» и его наполнении, — непонятно, почему С. А. Никольский вывел из их числа то самое православие, которое открывало русский вариант уваровской триады. В отличие от природы,

¹ Я имею в виду, прежде всего, относительно недавнюю книгу А. Л. Зорина: Зорин, 2001. См. также: Зорин, 1996; Шевченко, 2002; 2003.

которая не подходит под формулу «константы», разработанную в книге (поскольку она явно предстает любому государству и обществу), православие с полным правом может считаться объективной и ментальной структурой, существующей в историческом времени, во многом созданной русским государством и, в свою очередь, формирующей личности и институты внутри него на каждом конкретном историческом этапе. В отличие от предыдущего момента, касающегося знакомства с оригинальным текстом С. С. Уварова и с судьбой его идей, этот, как представляется, заслуживает обязательного авторского комментария.

Этот вопрос встает еще более остро при разговоре о концепте империи, который С. А. Никольский называет первой из трех констант отечественного общественного развития и которому он посвящает первую главу своей книги. Отсчет истории России как империи автор начинает не с Петра I, а с Ивана Грозного или даже еще раньше, с правления его отца, князя Василия III, когда Московская Русь (России, все же, еще не было) объявила себя «Третьим Римом» и преемницей Византии. Очевидно, что преемство Византии со всей необходимостью включало в себя и возвеличивание роли русского православия, но тут автор делает достаточно хитрый ход, последовательно противопоставляя Россию Византии. По его мнению, мы унаследовали преклонение перед государем (самодержавие), но отказались от римского права; унаследовали внешнее, декларативное православие, но отказались от христианского духа; унаследовали изоляционизм, но утратили миссионерство (Никольский, 2017: 12). Основными принципами нашей империи при этом автор называет: (а) максимизацию территориального расширения для достижения экономических и политических целей; (б) построение закрытой для внешнего мира самодостаточной политической, экономической и общественной системы; (в) заложенное и культивируемое в национальном сознании представление о наличии у страны особой миссии; (г) обязательность сакральной фигуры императора-вождя; (д) вторичность гражданской культуры по сравнению с государством и последовательное подчинение права политической власти; (е) сведение значимости отдельного человека до винтика механизма при полном игнорировании индивидуальности и личных запросов (там же: 8–9).

Соответственно, Российская империя предстает в книге своеобразным «прессом», в котором, выжимая соки из людей, гомогенизируя их, веками создавали послушных, забытых подданных, лишенных личностного сознания, прав, свобод, собственности и культуры, рабски покорных самодержавной власти очередного государя. В этой картинке по сути

есть лишь один минус: то, что описано в книге, совершенно не может быть империей, поскольку содержит, как минимум, одно неразрешимое противоречие. Ниже я постараюсь показать, с одной стороны, в чем суть противоречия, с другой — наметить возможные пути его преодоления. Но прежде нужно задаться вопросом: что же такое империя?

Как совершенно справедливо упоминает С. А. Никольский в начале первой главы, ссылаясь на мнение А. Миллера, понятие «империя» не имеет единого общепринятого определения (Никольский, 2017: 8). Но это, по моему мнению, совершенно не значит, что его нельзя хотя бы попробовать собрать, опираясь на ряд черт, общих для всех или, по крайней мере, для большинства тех политических образований, что называли себя империями. Оговорюсь отдельно, что в предельно кратком экскурсе ниже пойдет разговор лишь о тех политиях, что сами определяли себя как империи, в то время как за кадром останется достаточно большое количество общностей, к которым это понятие было применено позднее европейскими и американскими исследователями.

Само слово «империя» происходит от латинского *imperium*, что означало право высшей власти, которой облакались римские полководцы, уводившие войска на войну за пределы Республики — туда, где переставала действовать власть (*potestas*) римских магистратов. Соответственно, и понятие *imperator* длительное время означало главнокомандующего войсками Рима, да и то только на период, пока тот находился вовне Республики. Начиная с эпохи Октавиана Августа, закрепившего этот титул за собой и своими преемниками в качестве приставки к имени (*praenomen*), это слово стало употребляться также для обозначения верховного политического лидера Республики. И *imperium*, вслед за ним, начало обозначать верховную политическую власть, право повеления, которому невозможно ничего противопоставить. При этом, и это важно, политическая общность древних римлян (государства у них не было) продолжала называть себя как и раньше — *Senatus Populusque Romanus*, т. е. «Сенат и римский народ». И Республика, и пришедшая ей на смену Империя были лишь теми «политическими одеждами», в которые драпировался римский народ, единственный полновластный политический субъект в историко-культурном пространстве древнего Рима. О том, что представлял собой сам *Populus Romanus*, можно говорить долго и пространно. Ограничусь лишь утверждением, что основной «скрепой», обеспечивавшей единство сотен и тысяч домовладык (глав римских домохозяйств, граждан Рима), было знаменитое римское право, мыслившееся не как «данная государством система норм» (прежде

всего, в силу отсутствия государства), а как многослойная система межличностных соглашений, договоров и сделок, опутывавших всех римских граждан. Были, разумеется, и иные скрепляющие их основы (язык, письменная культура, вначале еще и религия), но именно право выступало единым, уравнивавшим всех мерилом.

С установлением христианства как официальной религии Империи мало что поменялось: правовой универсализм дополнился универсализмом религиозным (важно подчеркнуть, что право никуда не делось ни на Западе, ни на Востоке Империи) да изменилась позиция главы империи — императора. Он стал мыслиться не только верховным военным и политическим лидером, но и главным защитником всех христиан. Германские нашествия, низложение Ромула Августула и фактический уход Империи с Запада повлекли за собой становление Восточной Римской империи как самостоятельной державы. Себя они называли империей ромеев, мы зовем их, как правило, Византийской империей, по имени их главного города. Не вдаваясь в политическую антропологию Византии, отмечу, что там, с течением времени, правовой универсализм несколько сдал позиции перед универсализмом религиозным и политическим; это объяснялось тем, что практически всю свою историю Византия находилась в ситуации противостояния с разными противниками — прежде всего, с мусульманами.

На Западе после «восстановления империи» в 800 г., когда императором римлян был коронован Карл Великий, империя существовала непрерывно до 1806 г., когда она была упразднена Наполеоном Бонапартом. Причина упразднения понятна и ясна: незадолго до того, в 1804 г., Наполеон сам короновался императором и объявил свою державу империей. Особенностью же империи еще с давних, римских времен было то, что империя могла существовать лишь в одиночестве. Причина этого была указана выше — классическая империя, которая была у римлян и которой подражал Бонапарт, служила лишь оболочкой, внешней формой для политического субъекта, т. е. для народа. Народ же (*Populus*) в рамках этих представлений мог быть лишь один, тогда как все прочие политические общности по отношению к нему определялись лишь как *gentes*, «племена». Понятно, что к эпохе Нового времени эта ситуация уже изменилась кардинально, но понятно и то, что Наполеон имитировал именно ту, древнюю империю Рима, претендуя на ее восстановление.

Западные империи были многообразны, но существовало все же несколько общих черт, их объединявших. Вплоть до раннего Нового

времени жители империи именовали себя не *подданными*, но *гражданами*; власть императора, по крайней мере формально, оставалась выборной, в отличие от наследственной династической власти европейских монархий; до середины XVI в. империя мыслилась еще и как моноконфессиональное сообщество, что кончилось после печально известного Аугбургского мира 1555 г. Начиная примерно с XVIII в. европейские империи (Священная Римская империя германской нации, Австро-Венгерская империя, позднее — Британская и Германская империи) все больше и больше превращались в современные государства, власть императора внутри которых выстраивалась по канонам классического европейского абсолютизма². Все эти империи сохраняли также и традиционную, существовавшую еще с древности пространственную структуру «центр – периферия»³.

Таким образом, если суммировать сказанное, мы получим политическую форму, выстроенную по принципу «центр – периферия», для которой, как правило, будет характерна выборная верховная власть, достаточно развитая правовая и, как следствие, гражданская культура; в качестве факультативного дополнения — конфессиональное единство. Главное же в сказанном, на что еще раз следует обратить внимание, — это развитая правовая культура, общая для всех граждан империи, и безоговорочный приоритет частного права над публичным. В случае, когда правовая культура отступала на второй план, не исчезая, впрочем, совершенно (как это было в Византии), ее место занимала культура религиозная. Иными словами, империя немыслима без культуры, без единого культурного кода, общего для всех ее граждан или подданных.

Сергей Анатольевич Никольский, в свою очередь, рисует Российскую империю как геополитическое пространство, лишенное подобного общего культурного кода, наполненное беспорядком и бескультурьем⁴. Другими словами, он предлагает картинку империи, лишенной одного из базовых, образующих империю признаков. Игнорируется им и образ «центра – периферии» с сильной культуртрегерской ролью центра. В итоге, как представляется, получается «империя без империи», что

²Прекрасно суммированные отличия абсолютизма от нашего самодержавия см. в статье К. А. Соловьева, публикуемой в этом номере нашего журнала.

³О политической форме империи можно говорить еще долго. Я позволю себе сослаться на относительно недавние исследования С. И. Каспэ (Каспэ, 2008; 2016) и на цитируемую там библиографию.

⁴Единственное исключение предоставляется им «выгодной империи массовой культуры» (Никольский, 2017: 15).

приводит к нарушению целостности остальной конструкции, описанию которой посвящена вся книга.

Причины подобного сдвига можно искать долго. Их можно увидеть и в возведении С. А. Никольским Российской империи к XVI в. вместо привычной многим Петровской России, и в его отчетливо негативном отношении к имперскому прошлому. Гораздо более интересным представляется продумать, как можно было бы поправить методологически и, если угодно, философско-исторически эту конструкцию, вернув в нее жизнь. Я полагаю, что поправка необходима минимальная и уже потому реализуемая (впрочем, весьма интересно будет услышать мнение автора по этому поводу). Как я говорил выше, я считаю, что состав «констант» общественного развития России должен быть дополнен религиозной составляющей, а именно православием как культуuroобразующим фактором огромной силы. Если допустить эту поправку, то константа империи предстанет уже в другом виде, она обретет тот общий культурный код, которого ей, по моему мнению, недостает в настоящем виде.

Впрочем, эти рассуждения следует рассматривать скорее как заметки читателя на полях интересной новой книги, чем как что-либо еще. Книга, безусловно, состоялась и обязательно найдет своего читателя. А если автор найдет мои замечания заслуживающими внимания, будет весьма интересно прочесть ответ. Кто знает, может, это станет началом новой интересной дискуссии?..

ЛИТЕРАТУРА

- Зорин А. Л.* Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век) / под ред. Е. Л. Рудницкой. — М. : Археографический центр, 1996.
- Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. — М. : НЛЮ, 2001.
- Каспэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М. : Московская школа политических исследований, 2008.
- Каспэ С. И.* Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа гражданского просвещения, 2016.
- Никольский С. А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. — М. : Голос, 2015.
- Никольский С. А.* Империя и культура: философско-литературное осмысление Октября. — М. : ИФ РАН, 2017.

- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / под ред. А. Д. Каплина, О. А. Платонова. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. — С. 89–104.
- Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. — М. : Три квадрата, 2003.

Marey, A. V. 2018. "Imperiya bez kul'tury? [An Empire without Culture?]: retsenziya na knigu S. A. Nikol'skogo [A Review of S. A. Nikol'skiy's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 186–196.

ALEKSANDR MAREY

PHD IN LAW; ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

AN EMPIRE WITHOUT CULTURE?

A REVIEW OF S. A. NIKOL'SKIY'S BOOK

NIKOL'SKIY, S. A. 2017. *IMPERIYA I KUL'TURA: FILOSOFSKO-LITERATURNOYE OSMYSLENIYE OKTYABRYA [EMPIRE AND CULTURE: INTERPRETING RUSSIAN REVOLUTION THROUGH PHILOSOPHY AND LITERATURE]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: IF RAN

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-186-196.

REFERENCES

- Kaspe, S. I. 2008. *Tsentry i iyerarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- . 2016. *Politicheskaya forma i politicheskoye zlo [Political Form and Political Evil]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.
- Khomyakov, D. A. 2011. *Pravoslaviye. Samoderzhaviye. Narodnost' [Orthodoxy, Autocracy, and Nationality]* [in Russian]. Ed. by A. D. Kaplin and O. A. Platonov. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Nikol'skiy, S. A. 2015. *Gorizonty smyslov. Filosofskiy interpretatsii otechestvennoy literatury XIX–XX vv. [Horizons of Meanings. Philosophical Interpretations of Nineteenth – Twentieth Century Russian Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Golos.
- . 2017. *Imperiya i kul'tura: filosofsko-literaturnoye osmysleniye Oktyabrya [Empire and Culture: Interpreting Russian Revolution through Philosophy and Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IF RAN.
- Shevchenko, M. M. 2002. "Ponyatiye 'teoriya ofitsial'noy narodnosti' i izucheniye vnutrenney politiki imperatora Nikolaya I [The Notion of Official Nationality Doctrine, and the Studies

- of Nicholas I of Russia Domestic Policy]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istoriya* [*Herald of Moscow University, Series 8 (History)*], no. 4: 89–104.
- . 2003. *Konets odnogo Velichiya. Vlast', obrazovaniye i pechatnoye slovo v Imperatorskoy Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform* [*Decline of a Certain Greatness. Authority, Education and the Written Word in the Russian Empire on the Eve of the Great Reforms*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tri kvadrata.
- Zorin, A. L. 1996. "Ideologiya 'pravoslaviya – samoderzhaviya – narodnosti' i yeye nemetskiye istochniki ['Orthodoxy, Autocracy, and Nationality' Ideology and Its German Origins]" [in Russian]. In *V razdum'yakh o Rossii (XIX vek)* [*Thinking about Russia (19th Century)*], ed. by Ye. L. Rudnitskaya. Moskva [Moscow]: Arkheograficheskiy tsentr.
- . 2001. *Kormya dvuglavogo orla: literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [*Feeding the Two-Headed Eagle: Literature and State Ideology in Russia in the Late Eighteenth – Early Nineteenth Centuries*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.